

УДК 272 (476)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОМ БОГОСЛУЖЕНИИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (вт. пол. XIX в.):
АНАЛИЗ ПОЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

*канд. ист. наук, доц. А.И. ГАНЧАР
(Гродненский государственный аграрный университет)*

Изложен анализ польской и белорусской историографии по проблеме введения и использования русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси во вт. пол. XIX в. Современные польские и белорусские авторы более склонны к критической оценке происходивших событий, чем их предшественники. Общим для польских и белорусских исследователей является стремление анализировать происходившие события на микроуровне – римско-католический приход. В то же время надо отметить и наличие разнонаправленных тенденций: учет мнений каждого из участников событий и оправдание действий лишь одной стороны – представителей правительственной точки зрения (посредством подбора определенных документов, публицистических статей того периода, а порой и простым отрицанием всех обвинений в отношении некоторых активных участников тех процессов как клеветнических).

Введение. Замена языка в богослужении, как и введение дополнительного языка, всегда будет являться проблемой, чреватой крайними последствиями: с одной стороны для самой религиозной организации – вплоть до раскола, как следствие неприятия нововведения в освещенные веками канонические нормы; с другой стороны – для паствы (во многом по тем же причинам). Проблема также будет усугублена интересами государства: ведь каждое государство стремится к тому, чтобы религиозные тексты, речи звучали на государственном языке. Очевидным становится тот факт, что введение или замена языка богослужения должна проводиться очень осторожно, взвешенно, постепенно. Еще в феврале 2004 г. вопрос по организации богослужений и переводу обучения на государственные языки был предметом обсуждения на итоговой коллегии Комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь [1, с. 3]. «Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке, а для этого необходимы соответствующие переводы религиозной литературы на белорусский язык, – такое мнение высказал 21 августа 2013 г. на открытии XV Международного съезда славистов митрополит Минско-Могилевский архиепископ Тадеуш Кондрусевич. – Работа в данном направлении осложняется и тем, что религиозная терминология еще недостаточно полно разработана в белорусском языке» [2]. Актуальным видится как рассмотрение аналогичных процессов, уже имевших место на территории Беларуси, так и характера интерпретации происходивших событий.

Основная часть. Первую попытку всестороннего рассмотрения проблемы введения русского языка в римско-католическое богослужение на территории Беларуси во вт. пол. XIX в. в польской историографии, пожалуй, стоит отнести к вышедшей в 1893 г. брошюре профессора Краковского университета ксендза Кнапинского, который с различных точек зрения (канонической, исторической, культурной, философской, этической) рассматривал эту проблему [3]. «Очень уж тонкое различие между каноническим и дополнительным богослужением. Уж одно то, что такое различие учинил остроумный православный министр, заставляет заподозрить в этом подвох к нашему вреду. Всякое богослужение, отправляющееся в костеле, есть костельное. Разница может быть лишь между тем, которое ксендз совершает от имени костела сам, причем верующие принимают в нем участие, присоединяясь к намерениям ксендза, и тем, хотя и публичным, где ксендз только направляет и предводительствует, дабы оно совершалось согласно с духом костела. К первой категории относятся: литургия, канонические часы, установленные костелом особыми уставами. Ко второй категории – такие службы, как майские богослужения (Пресвятой Марии Деве), июньские (Сердцу Иисусову) и другие, проистекающие из особой набожности верных. Богослужения первой категории, совершаемые от имени костела, должны совершаться везде на основании неизменяемых уставов на костельном языке – посему на латинском. Богослужения второй категории – могут быть совершаемы на родном языке молящихся лишь при условии разрешения главой римско-католического костела» [4, с. 477 – 478]. Брошюра Кнапинского, размещенная в апологическом труде генерала А.В. Жиркевича, приобретает особую ценность еще и тем, что на ее полях сделаны собственные пометки Ф.Е. Сенчиковским – самым активным деятелем по продвижению русского языка в римско-католическое богослужение, выразившего таким образом свое несогласие с приведенными доводами, что дает исследователям лучше понять психологию, мотивацию поступков самого Ф.Е. Сенчиковского [4, с. 465 – 504].

Представители римско-католического духовенства, занимающиеся исследованием истории Римско-католической Церкви на территории Беларуси, предпочитают пользоваться термином «так называе-

мое дополнительное богослужение», поскольку дополнительного богослужения нет – оно все основное, единое, целое. Выделение же «дополнительное богослужение» было осуществлено представителями правительства Российской империи с целью уловки, рассредоточения внимания паствы: раз дополнительное, то можно и не утруждаться вопросами одобрения Римским Папой этого нововведения. Со своей стороны польские авторы старались предложить свое понимание данного термина. Ксендз Р. Юрковский под понятием «дополнительное» богослужение указал, что следует понимать т.н. Пиотровский ритуал (*rituał piotrowski*), утвержденный Римским двором в 1631 г., или все то, что не входит в латинский текст святой службы, совершение сокраменталий и костельных служб (бенедикции): проповедь, костельные песни, ответы при крещении, венчании, молитвы за правителя и т.д. [5, s. 225].

Труды авторов, написанные на польском языке (Э. Павлович, А. Важунский, С. Кжеменский, А. Ельский, Л. Василевский, Е. Бородич, Е. Жискар, Е. Телко-Гринцевич, З. Наградский, Ф. Шнарбаховский, В. Урбан, Б. Кумор, М. Банашак, М. Раковский), отличаются крайней негативной оценкой мероприятий правительства по введению русского языка. В анонимном издании 1881 г. «Polska i Rossja wobec ostatnich wypadków» и вообще все неудачи Российской империи, в т.ч. и смерть Александра II, сводились к справедливой Божьей каре за действия против католической веры [6]. Эти труды, примечательные проработкой вопроса непосредственного введения языка в богослужение, показывали негативные отношения к проблеме самого населения, а также больше внимания уделяли ксендзам, не принявшим русскоязычный требник [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12]. В этой связи представляет интерес труд А. Важинского, бывшего во времена управляющего Виленской епархией П. Жилинского в числе его капитула, для которого католик, любящий свой костел, и поляк, любящий свое Отечество, – это одно и то же; автор дает довольно язвительную характеристику губернаторов и «обрусевших» ксендзов, мало внимания уделяя их практическим делам [13, s. 107].

В. Урбан, Б. Кумор в введении правительством русского языка в римско-католическое богослужение видели попытку ликвидации римско-католической религии [14, s. 377]. Р. Юрковский, Р. Гирень, Т. Крахель – намерение правительства русифицировать католиков, обратить их в православие [4, s. 226; 15, s. 26; 16, s. 17; 17, s. 75]. М. Банашак (в книге для студентов католической академии) полагает, что введение русского языка в богослужение было целью русификации богослужения и религиозной науки [18, s. 309]. Л. Яскевич полагал, что трудность процесса «располячивания» костела заключалась в противодействии польского и «ополяченного» белорусского римско-католического духовенства [19, s. 153]. Автор очертил хронологически период, кампанию введения русского языка в римско-католическое богослужение – 1869 – 1875 гг., назвав ее безуспешной политикой русификации костела [19, s. 155]. Р. Дзвонковский уверен, что правительство введением русского языка в римско-католическое богослужение преследовало не только религиозную цель, но и политическую: оторвать поляков от костела, лишить их последнего «бастиона польскости», что непременно бы привело, по мнению властей, к православию и русификации [20, s. 60; 21, s. 21]. Труд Р. Дзвонковского выделяется из ряда других трудов тем, что автор уделит внимание теоретическим вопросам единения всех христиан – как простых верующих, так и духовенства, призвав римско-католическое духовенство не заострять внимание на «польскости», быть открытым к другим нациям, ветвям христианства, в т.ч. и православию – ведь Бог один [20, s. 124 – 128]. М. Радван считал политику по введению русского языка ассимиляцией [10, s. 215]. С. Кжеменский полагал, что с издания 8 ноября 1865 г. русскоязычного катехизиса Д. Стацевича началось осуществление самого большого желания правительства – уничтожение католицизма (издание вышло анонимно) [7, s. 208]. В воспоминаниях ксендза Е. Бородича введение русского языка в римско-католическое богослужение рассматривалось как проявление духовной борьбы между Востоком и Западом, западной и византийской культурой, автор углубился в теорию, философию этого вопроса [22, s. 249].

Е. Жискар утверждал, что введение русского языка предпринялось с целью распространения православия на католиков [23, s. 124]. Вторит ему Ю. Туронак, считающий, что процесс «располячивания» костела был предпринят инициаторами с целью возвращения белорусских католиков не только к русской народности, но и к православию [24, s. 84]. Ксендз А. Буду причину ввода русского языка в римско-католическое богослужение видел в желании правительства посеять вражду между поляками, по преимуществу своему римско-католиками, и Римской курией [25]. Е. Телко-Гринцевич видел в введении русского языка в римско-католическое богослужение «оружие» гражданских властей против Костела, с помощью которого население само бы стало покидать те храмы, где звучала русская речь из уст ксендзов – преследуя таким образом русификаторскую цель [26, s. 62]. Общественный деятель З. Наградский в работе, посвященной деятельности римско-католического духовенства в 60 – 80 гг. XIX в., считал, что перевод костельного богослужения на русский язык был всего лишь одним из этапов (наравне с присоединением к православию бывших униатов, которые на конец 30-х – начала 40-х годов XIX в. стали католиками, введение в состав консисторий правительственных комиссаров и т.д.) плана по русификации костела [27, s. 26 – 27]. Но, как отметил современный белорусский исследователь А.Ф. Смоленчук, архивные документы не подтверждают существования подобного плана [28, s. 61].

Схожие и отличные тенденции в характеристике правительственной политики в отношении введения русского языка в римско-католическое богослужение наблюдаются в белорусской историографии. П.В. Терешкович полагает, что введение русского языка в римско-католическое богослужение было политикой по разъединению католицизма от полонизма [29, с. 657; 30, с. 356]. В.В. Григорьева (В.В. Яновская) считает, что план «располячивания костела», составной частью которого являлось введение русского языка в римско-католическое богослужение, был разработан с целью ослабления влияния римско-католических священнослужителей на белорусский народ, а что до самих белорусов, то В.В. Григорьева согласилась с мнением ксендза Адама Станкевича: «Для народа было все равно, так как и польский и русский язык был для него чужой, но к польскому он уже был более привыкшим, к тому же все притесненное, как всегда бывает, много имеет в себе моральной силы и красоты» [31, с. 57; 32, с. 71 – 93, 110 – 124; 33, с. 294]. Продолжением научных изысканий автора служит ее монография, изданная в 2002 г. [34], в которой автор дала краткий историографический обзор данной проблемы, а также многочисленные статьи [35; 33; 36, с. 63 – 67]. В.В. Яновская проблему «располячивания» костела считает концентрацией всей политики царского правительства в отношении костела и к польскому вопросу в Беларуси в целом, а механизм введения русского языка в костелы охарактеризовала как насильственный [36, с. 66; 34, с. 9].

В.Н. Линкевич считал, что с целью ослабления «польского» костела был разработан план его «располячивания», неоднозначное восприятие которого не только представителями римско-католического духовенства, но и православной церкви, а также правительства, привела к неосуществлению этой идеи [37, с. 28]. Ю.А. Бачица рассматривает «располячивание» Костела как одно из действенных средств, направленных на ограничение и полную ликвидацию сепаратизма костела в Беларуси, итогом которого стало формирование в начале XX ст. белорусского католического духовенства, которое противодействовало общей полонизации белорусского края [38, с. 4].

Анализу политики правительства Российской империи, местных властей посвящена целая серия изданий. Современный польский исследователь Л. Яскевич, изучив отчеты губернаторов Северо-Западного края, показал положительное отношение губернаторов (Д. Батюшков, Н. Урусов, Н.М. Клингенберг, Троцкий, П.Д. Святополк-Мирский, П. Курлов) к введению русского языка в римско-католическое богослужение, способствовавшего «обрусению края» [19, с. 147 – 153]. Рассматривали дискуссию по вопросу языка богослужения и белорусские ученые – В.В. Яновская, А.Ф. Смоленчук [34, с. 133; 28, с. 64 – 66].

Польские авторы в большинстве своем восхваляли тех ксендзов, кто выступал в защиту польского языка, не анализируя характер их поступков (им было достаточно самого факта непринятия русского языка), а также негативно относились к «ритуалистам». К примеру, С. Кжеменский, Т. Остая, Л. Чарковский, Р. Дзвонковский характеризуют С. Петровича (только за факт сожжения русскоязычного требника) как отважнейшего из ксендзов, патриота, прихода которого все ждали [7, с. 217; 39, с. 49 – 50; 40; 20, с. 62]. С. Кжеменский положительно характеризовал ксендзов, высланных из Минской губернии за сопротивление введению русского языка [7, с. 217, 234 – 235], а Ф. Сенчиковского, Я. Юргевича (визитаторов костелов Минской губернии, активно выступавших за русский язык) и других «ритуалистов» – предателями, врагами Римско-католической Церкви [7, с. 219]. Вторил ему Я. Пжибышевский (он же В. Войдак, бывший ксендз из г. Минска, бежавший в Галицию из-за репрессий), Ю. Жискар, З. Нагродский, Ф. Шнарбаховский, Б. Кумор [41, с. 46; 23, с. 126; 27, с. 82; 9, с. 92; 42, с. 377 – 378], а современный польский исследователь М. Радван и вовсе указал, что обязанностью визитаторов костелов Минской губернии Ф. Сенчиковского и Я. Юргевича была русификация белорусского душепастварства [10, с. 219].

Историк, этнограф, краевед, переводчик А. Ельский, видевший во введении русского языка в римско-католическое богослужение отступление не только от костельных канонических правил, но и от «краевой» традиции, П. Жилинского, Ф. Сенчиковского и прочих «ритуалистов» характеризовал как вероотступников, превозносил дух неотступивших ксендзов [43, с. 17 – 18, 20, 23]. Солидарен с А. Ельским и Ю. Жискар, воспользовавшийся его трудом: порой просто переписав отдельные страницы, особенно что касается ксендзов, не принявших русский язык [43, с. 136]. Ю. Жискар деятельность П. Жилинского и других «отступников» характеризовал как направленную против католичества, преданность идее русского языка в богослужении Ф. Сенчиковского называл фанатической, а поступки его объяснял лишь одной только практической выгодой [23, с. 129 – 133]. В действиях С. Петровича видел проявление угрызений совести, не позволившей ему дальше идти вместе с «отступниками» (так автор называл ксендзов, принявших русский язык) [23, с. 129 – 130].

Стоит отметить, что одобрению действий Ф. Сенчиковского посвящена целая серия работ российских исследователей, особенно дореволюционного периода. Но подобную оценку роли Ф. Сенчиковского, по-видимому, из-за недостатка фактологического материала, дал и современный белорусский исследователь В.Н. Линкевич. В кандидатской диссертации автор отмечает, что «среди отдельных представителей религии все же появлялось осознание недопустимости межконфессиональных раздоров, и предпринимались попытки налаживания диалога между ними и сближения: в 70 – 80-е годы XIX в. эту идею

пытался реализовать католический иерарх Ф. Сенчиковский» [44, с. 14]. Совершенно противоположная оценка А.Ф. Смоленчука, указавшего целью деятельности Ф. Сенчиковского слияние римско-католиков с Православной Церковью [28, с. 72; 45, с. 57].

В анонимном польском сборнике статей дореволюционного периода описывались различные вопросы: о проблемах перевода римско-католических богослужебных книг на русский язык, негативном отношении к этому процессу рядового духовенства и населения Беларуси, об отношении Виленских римско-католических епископов К. Гриневицкого (1883 – 1895 гг.) А. Авдевича (1890 – 1895 гг.), С. Зверовича (1897 – 1902 гг.) к языку богослужения, отмечая их упорство в отстаивании польского языка как отстаивания римско-канонических традиций в Беларуси [8, с. 20, 22, 24]. Подобная мысль отражена в труде кандидата теологии ксендза К. Прополаниса, утверждавшего, что упадок «польскости» начался с П. Жилинского, но искать причину этого только в его личности есть то же самое, что доказывать, что М. Лютер – единственная причина Реформации XVI в. Причину же следует искать в религиозном, политическом и экономическом положении Европы и Литвы [46, с. 119]. Влияние международного фактора, Римской курии в использовании русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси затрагивалось в монографических работах Л. Василевского, Ф. Шнарбаховского, Р. Дзвонковского, Э. Винтера [47; 9, с. 91 – 92; 20, с. 63].

Для епископа П. Кубицкого Костел и Отечество тождественны: поляка, ставшего на защиту восстания 1863 г., «светского рыцаря» П. Кубицкий ставит в один ряд с ксендзом, однозначно считая всех ксендзов поляками, воспитателями польских патриотов, не спавших после поражения восстания, а всяческими мерами старавшихся добыть свободу краю [46, с. 6]. В труде содержатся сведения о первых ксендзах, принявших распоряжение правительства относительно русского языка в римско-католическом богослужении [46, с. 355 – 356]. Как своеобразный ответ на труд П. Кубицкого вышла в 1935 г. книга З. Нагродского [27]. З. Нагродский критиковал П. Кубицкого за то, что им были отобраны материалы только о «сопротивляющихся» ксендзах, которые боролись за «польское дело». З. Нагродский отметил, что из 616 ксендзов Виленской губернии 115 приняли русский язык в богослужении [27, с. 69]. Автор критиковал также ксендза Я. Пжибышевского (магистра теологии) за книгу «Język rosyjski w katolickim rytuale i w nabożeństwie dodatkowem». «Если Пжибышевский пишет о Жилинском, Тупальском, Немекше, как об отступниках от польского дела, то почему не упоминает, что и они все во время восстания 1863 г. пели польские патриотические гимны – не все так просто», – заключал З. Нагродский [27, с. 19]. З. Нагродский согласен, что были ксендзы, боровшие за Отечество, но и предателей было очень много: «Один только Ф. Сенчиковский, тройной декан и визитатор костелов Минской губернии, собрал 32 верноподданических адреса от администраторов приходов губернии, а в целом по Виленской епархии таких адресов было собрано 147» [27, с. 49 – 50]. Лишь Тельшевская епархия (Ковенская губерния), по мнению автора, заслуживала уважение, так как ее священнослужители под управлением епископа М. Волончевского не предавали Отечество [27, с. 55]. Автор выразил свое несогласие с П. Кубицким, который привел численность по Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губернии в 61 % тех, кто поднялся за поддержку введения русского языка в римско-католическое богослужение, назвав при этом цифру в 99% [27, с. 98]. Впрочем, оспаривание данных официальной статистики можно видеть и ранее в труде В. Смочинского, осуществившего еще в 1889 г. перевод с французского книги И. Мартино, добавив собственный материал [47, с. 55]. З. Нагродский склонился к мнению, что больше правды в труде А.В. Жиркевича, чем в книге П. Кубицкого, которого критиковал за явное покровительство высшего римско-католического духовенства [27, с. 98].

Профессор ксендз Б. Кумор считал, что удаление Минского римско-католического епископа А. Войткевича от управления епархией и подчинение ее Виленскому управляющему П. Жилинскому было мерой по продвижению русского языка в костелы Минской губернии, поскольку А. Войткевич был противником данной политики; костел считал последним бастионом «польскости»; ректора католической духовной академии в Санкт-Петербурге Д. Стацевича, поддержавшего введение русского языка, автор называл русофилом [42, с. 375 – 378]. Е. Валевадер отметил значительное давление правительства на управляющих римско-католическими епархиями с целью продвижения русского языка в костелы [50, с. 22]. Белорусский исследователь Л. Лыч видел в использовании польского языка в костелах Беларуси проявление польской традиции в костеле. Автор утверждал, что правительство специально задумало основными проводниками русского языка в костелах сделать самих ксендзов (где уговорами, а где силой), дабы они потеряли влияние на население [51, с. 102].

Авторы, описывая процесс введения русского языка в римско-католическое богослужение, не могли не затронуть отношения самого населения к нововведению. Еще П. Бобровский, описывая реальное положение дел в Гродненской губернии, указывал на то, что католики-крестьяне Гродненской губернии разговаривали между собой на «белорусском наречии», а остальные, которые были побогаче, лишь с ними по-белорусски, а между собой употребляли польский язык [52, с. 623]. Современный белорусский ученый Т. Крutchковский подметил, что даже чиновников наказывали штрафом за употребление польского

языка в костелах [53, с. 62]. Польские авторы, характеризовавшие отношение самого населения к нововведению, указывали на заступничество верующих за Костел, выступление против русского языка [21, с. 21]. К. Прополанис поднял проблему «литовских» и «польских» католиков, отношения к ним высшего руководства костела [46, с. 120]. Ксендз Ф. Рогала-Завадский, отрицательно относившийся к мероприятию правительства, отобразил негативное отношение паствы Витебской губернии к введению русского языка, несмотря на то, что некоторые ксендзы были сторонниками замены польского языка русским [54, с. 49]. В воспоминаниях польского публициста и ученого М. Ваньковича содержится материал об избегании населением Минской губернии встреч с «русскоязычными» ксендзами [55, с. 75]. М. Шопа отметил, что католики сами стали обучать своих детей молитвам, когда услышали богослужение на русском языке [56, с. 6]. Только благодаря, по мнению Р. Арчутовского, активному сопротивлению простого народа и лишь некоторым усилиям со стороны духовенства, почерпнувшего у последнего патриотизм, удалось отстоять польский язык в костелах Беларуси [57, с. 258]. Л. Чарковский описал в своих мемуарах негативное отношение населения к Э. Тупальскому и П. Жилинскому [40, с. 123 – 124]. Ю. Жискара несогласие населения на введение русского языка объяснял устоявшейся традицией, которая находилась в крови народа и которую не так просто было преодолеть даже самому человеку, не говоря уже о внешней силе – правительству Российской империи; описал тяжелое положение римско-католиков Минской губернии, оставшихся без духовного окормления [23, с. 127 – 129]. Е. Клочовский, Мулерова, Е. Скарбек указали, что некоторые ксендзы были за русский язык, но верующие выступили против – фактов не привели [58, с. 236]. Этот пробел несколько восполнил А.Ф. Смоленчук [28, с. 70].

Рассматривая проблему использования в римско-католическом богослужении польского и русского языка, авторы непременно приходили к еще одной – использованию белорусского языка, в терминологии того периода – «местного наречия». Даже среди дореволюционных российских авторов, воспринимавших белорусский язык как местный вариант русского языка, все же отмечались попытки введения наравне с русским и белорусского языка как допустимого в переходе от польского к русскому [59, с. 26]. Л. Василевский показал неудачную попытку введения белорусского языка в римско-католическое богослужение в 1897 г., а Р. Радик привел даже факты более раннего употребления белорусского языка в костелах [47, с. 289; 60, с. 166]. Ю. Жискара, М. Косман видели причину согласия правительства на белорусский язык в римско-католическом богослужении в конце XIX в. в желании гражданской власти подменить его затем на русский язык [23, с. 126; 62, с. 250]. Созвучно этому мнению белорусских ученых И.В. Чавкина и П.В. Терешковича: в борьбе с «полонизмом» царской администрации в известной степени было выгодно, чтобы белорусы, особенно католики, осознали себя «не поляками». Поэтому проводя политику разобщения католицизма и полонизма, чиновники допускали использование белорусского языка в католических литургиях, а в школьные учебники вводились сведения о Беларуси, белорусах [60, с. 49]. П.В. Терешкович полагал, что белорусы-католики были менее подвластны русификационным влияниям, чем белорусы-православные, а значит, этноконфессиональная политика правительства в указанный период содействовала пробуждению белорусского сознания среди католического населения и поэтому объективно, как это не парадоксально, содействовала целостности и консолидации белорусского этноса [29, с. 658]. Р. Юрковский, рассматривая проблему введения белорусского языка в римско-католическое богослужение, отметил, что белорусский народ сам был пассивен в этом стремлении [4, с. 228]. Ю. Горбанюк, О. Горбанюк, Е. Гебень, изучив современное отношение к языку в литургии населения Беларуси, проведя соответствующее социологическое исследование, отметили, что даже в наше время римско-католическое население Беларуси далеко неоднозначно относится к замене польского языка другим – белорусским или русским [62; 63; 64; 65; 66]. Я. Тротяк прямо утверждал, что белорусский язык выжил благодаря костелу, передавая белорусское слово из храма в храм [67, с. 66]. В. Григорьева увязывала с начатым процессом «располячивания» костела зарождение и распространение в среде римско-католического духовенства идей белорусского национального возрождения [33, с. 293]. А.Ф. Смоленчук, исследуя вопрос о роли Костела в белорусском национальном движении во вт. пол. XIX – нач. XX в., отметил, что в нач. XX в. Костел стоял за белорусский язык; рассматривал использование т.н. «белорусской карты» во введении русского языка [45; 68, с. 112].

Заключение. Освещение польской и белорусской историографии по вопросу использования русского языка в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный период показывает, что наблюдаются как отличия в оценках происходивших событий, так и полное согласие, особенно, что касается значения данного процесса для Римско-католической Церкви в Беларуси. Современные польские и белорусские авторы более склонны к критической оценке происходивших событий, чем их предшественники. Общим для польских и белорусских исследователей является стремление анализировать происходившие события на микроуровне – римско-католический приход. Во многом это объясняется тем, что белорусские исследователи ограничены в денежных средствах для выезда и проживания продолжительного периода времени за границей – с целью наработки фактологического материала в архивах

Российской Федерации, Польше, Литве, а польские исследователи, представленные в основной своей массе духовенством, занимаются постижением своего же объекта служения. В то же время надо отметить и наличие разнонаправленных тенденций: учет мнений каждого из участников событий и оправдание действий лишь одной стороны – представителей правительственной точки зрения (посредством подбора определенных документов, публицистических статей того периода, а порой и простым отрицанием всех обвинений в отношении некоторых активных участников тех процессов как клеветнических). Это позволит белорусским исследователям избежать ошибок в объективной оценке событий, связанных с заменой польского языка русским в римско-католическом богослужении на территории Беларуси в указанный хронологический период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврыш, В. Язык богослужений – вопрос деликатный / В. Гаврыш // Нар. газета. – 2004. – 10 лют. – С. 3.
2. Кондрусевич: Богослужение в Беларуси должно совершаться на родном языке [Электронный ресурс] // Новости Беларуси. Бел. телеграф. агенство. – 2010. – Режим доступа : www.belta.by. – Дата доступа : 21.08.2013.
3. Кнапиński, W. List do pewnego kapłana katolickiego / W. Кнапиński. – Kraków, 1893. – 54 s.
4. Жиркевич, А.В. Из-за русского языка. Биография каноника Сенчиковского : в 2 ч. / А.В. Жиркевич // Минск. старина. – 1911. – Вып. 3. – Ч. 1. – 669 с.
5. Jurkowski, R. Edward Ropp jako biskup Wileński 1903 – 1907 / R. Jurkowski // Studia teologiczne. – 1990. – № 8. – S. 205 – 281.
6. Polska i Roszja wobec ostatnich wypadków. – Lwów : nakład drukarni ludowej, 1881. – 128 s.
7. Krzemieński, S. Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863 – 1888) / S. Krzemieński. – Lwów: nakl. redak. «Ekonomisty Polskiego», 1892. – 312 s.
8. Ракоўскі, М. Супрацьстаянне / М. Ракоўскі // Наша вера. – 1996. – № 1. – С. 73 – 81.
9. Sznarbachowski, F. Początek i dzieje rzymsko-katolickiej djecezji Łucko-Żytomierskiej / F. Sznarbachowski. – Warszawa, 1936. – 179 s. – S. 91 – 92.
10. Radwan, M. Polityka wyznaniowa caratu na Białorusi w XIX w. Implikacje duszpasterskie / M. Radwan // Nasza przeszłość. – 2001. – Т. 95. – S. 197 – 240.
11. Pawłowicz, Ed. Wspomnienia z nad Wilji i Niemna / Ed. Pawłowicz. – Lwów, 1883. – 243 s.
12. Stosunki Litewsko-Polskie w djecezji Wilenskiej i naduzycia partyi wszechpolskiej. – Wilno, 1913. – 147 s.
13. Ważuński, A. Litwa pod względem przesławowania w niej rzymsko-katolickiego kościoła / A. Ważuński. – Poznań, 1891. – 264 s.
14. Urban, W. Ostatni etap dziejów Kościoła w Polsce przed nowym Tysiącleciem (1815 – 1965) / W. Urban. – Rzym, 1966. – 555 s.
15. Gimek, J. Nawiedzenie obrazu Matki Bożej Częstochowskiej w rodzinach na przykładzie parafii Gorków w diecezji lubelskiej / J. Gimek // Studia Claromontana. – 1987. – № 7. – S. 100 – 121.
16. Gireń, R. Oczyszczenie od polskości / R. Gireń // Magazyn Polski. – 2002. – № 1 – 2. – S. 24 – 28.
17. Krahel, T. Nowy Dwór. Dzieje parafii rzymskokatolickiej 1504 – 2004 / T. Krahel. – Białystok: Kuria Metropolitalna Białostocka, 2004. – 125 s.
18. Banaszak, M. Historia kościoła katolickiego : w 5 t. / M. Banaszak. – Warszawa : Akademia Teologii Katolickiej, 1986. – Т. 4. – 468 s.
19. Jaśkiewicz, L. Carat i sprawy polskie na przełomie XIX i XX wieku / L. Jaśkiewicz. – Pultusk : Wyższa Szkoła Humanistyczna w Pultusku, 2001. – 219 s.
20. Dzwonkowski, R. Polacy na dawnych kresach wschodnich. Z problematyki narodowościowej i religijnej / R. Dzwonkowski. – Lublin : Oddział Lubelski Stowarzyszenia «Wspólnota Polska», 1994. – 150 s.
21. Dzwonkowski, R. Polacy w Kościele katolickim na Wshodzie – czego oczekują? / R. Dzwonkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16 – 18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 21 – 32.
22. Borodzich, J. Pod wozem i na wozie, czyli kilka lat pracy duszpasterskiej na Litwie, Białej i w głębi Rosji / J. Borodzich. – Kraków, 1911.
23. Żyskar, J. Nasze Kościoły. Opis ilustrowany wszystkich Kościołów i Parafji znajdujących się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych. Djecezja Mińska / J. Żyskar. – Warszawa–Petersburg: druk. P. Laskaura, 1914. – Т. I, cz. 2. – 348 s.
24. Туронак, Ю. Канфесійная трансфармацыя на Беларусі і нацыянальная самасвядомасць / Ю. Туронак // Наша вера. – 1998. – № 2. – С. 80 – 86.
25. Boudou, A. Stolica święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX stuleciu / A. Boudou. – Kraków : wyd. «Księży Jezuitów», 1928. – 680 s.
26. Telko-Hryncewicz, J. Z przeżytych dni (1850 – 1908) / J. Telko-Hryncewicz. – Warszawa, 1930.
27. Nagrodzki, Z. Rola duhownstwa katolickiego w godzinie prob i cierpien na terenie Litwy i Bielej Rusi (1863 – 1883) / Z. Nagrodzki. – Wilno, 1935. – 274 s.
28. Смалянчук, А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – 1917 г. / А.Ф. Смалянчук ; пад рэд. С. Куль-Сяльверставай. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 322 с.

29. Церашковіч, П.У. Этна-канфесійная палітыка Расійскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / П.У. Церашковіч // Наш Радавод. – Гродна, 1992. – Кн. 4, ч. 3. – С. 655 – 658.
30. Церашковіч, П. Палякі і нацыянальная палітыка Расійскай адміністрацыі на Беларусі ў другой палове XIX ст. / П. Церашковіч // Беларусы і палякі: дыялог народаў і культур. X – XX ст. : матэрыялы міжнар. кругл. стала, Гродна, 28 – 30 вер. 1999 г. / Гродз. дзярж. ун-т; рэдкал. : І.П. Крэнь [і інш.] – Гродна, 1999. – С. 354 – 357.
31. Stankiewicz, A. Rodnaja mowa ū ŭświatyniach / A. Stankiewicz. – Wilnia : adbitka z “Chryścijanskaj Dumki”, 1929. – 192 s.
32. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX стст.) / В.В.Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск : Экапер-спектыва, 1998. – 340 с.
33. Грыгор’ева, В. Каталіцкае духавенства ля вытокаў Беларускага Адраджэння / В. Грыгор’ева // Беларусіка = Albaruthenica 2 / Міжнар. асац. беларус., Нац. навук.-асв. цэнтр ім. Ф. Скарыны ; рэд. А. Анціпенка [і інш.]. – Мінск, 1993. – С. 293 – 297.
34. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.
35. Григорьева, В.В. Из истории расположения костела в Белорусских губерниях (взгляд на проблему через деятельность каноника Сенчиковского) / В.В. Григорьева // Наш радавод. – Гродна, 1996. – Кн. 7, ч. 3. – С. 672 – 680.
36. Грыгор’ева, В. Нацыянальнае пытанне ў дзейнасці каталіцкага касцела на Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / В. Грыгор’ева // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры : у 2 ч. – Гародня, 1996. – Ч. 2. – С. 63 – 67.
37. Лінкевіч, В.М. Палітыка царскай адміністрацыі на Беларусі ў адносінах каталіцкай канфесіі (апошняя трэць XIX ст.) / В.М. Лінкевіч // Гісторыя Беларусі : новае ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рэсп. навук. канф., Мінск, 25 кастр. 2002 г. / Беларус. дзярж. педаг. ун-т ; рэдкал.: У.В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 27 – 29.
38. Бачышча, Ю.А. Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызма ў Беларусі (1900 – 1914 гг.) : аўтарэф. ...дис. канд. гіст. навук : 07.00.02 / Ю.А. Бачышча ; Беларус. дзярж. педаг. ун-т ім. М. Танка. – Мінск, 2003. – 19 с.
39. Ostoja, T. Garść wspomnień z niedawnej walki o wolność sumienia w Rosyi / T. Ostoja. – Warszawa, 1916.
40. Czarkowski, L. Wilno w latach 1867 – 1875 (ze wspomnień osobistych) / L. Czarkowski. – Wilno, 1929. – 327 s.
41. Przybyszewski, J. Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie / J. Przybyszewski. – Lwów, 1897.
42. Kumor, B. Historia Kościoła : w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
43. Jelski, A. Dzieje dycezyji Mińskiej w zarysie. – Mińsk : druk E. Nowickiego w Wilnie, 1907. – 26 s.
44. Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века : автореф. ...дис. канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Н. Линкевич ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2004. – 23 с.
45. Смалянчук, А.Ф. «Беларуская карта» ў дзейнасці царскай адміністрацыі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / А.Ф. Смалянчук // Спадчына. – 1996. – № 11. – С. 53 – 66.
46. Propolanis, K. Polskie apostołstwo w Litwie (szkic historyczny 1387 – 1917) / K. Propolanis. – Wilno : druk M. Kuchty, 1913. – 286 s.
47. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa – Kijów : wyd. M. Arcta, 1925. – 176 s.
48. Kubicki, P. Wojownicy kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861 – 1915. Materiały z urzędowych świadectw władz Rosyjskich, archiwów Konsystorskich, zakonnych i prywatnych: w 4 cz. / P. Kubicki. – Sandomierz : nakł. Tlumacza, 1936. – Cz. 2. – 976 s.
49. Martinow, I. O języku rosyjskim w nabożeństwie katolickim / I. Martinow; pzełożył z francuskiego W. Smoczynski. – Kraków, 1889. – 87 s.
50. Walewander, E. Polacy w kościele katolickim w ZSRR / E. Walewander. – Lublin, 1991.
51. Лыч, Л. Шлях беларускага слова ў касцел / Л. Лыч // Роднае слова. – 2000. – № 11. – С. 99 – 102.
52. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния : в 2 ч. / сост. П. Бобровский. – СПб. : тип. Департамента Генерального штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.
53. Kruczkowski, T. Niektóre zagadnienia historii etnicznej Polaków na Białorusi / T. Kruczkowski // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 16 – 18 нояб. 2001 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2003. – 288 с. – С. 58 – 63.
54. Rogala-Zawadzki, T. Wspomnienia z życia ks. Franizka Rogali-Zawadzkiego (1829 – 1915), ostatniego zakonnika wileńskiej diecezji ze starej generacji / T. Rogala-Zawadzki. – Wilno, 1916. – 125 s.
55. Wańkiewicz, M. Szczenięcie lata / M. Wańkiewicz. – Warszawa, 1934. – 346 s.
56. Szopa, M. O narodzie polskim na Litwie / M. Szopa. – Warszawa : wyd. Straży Kresowej, 1919. – 214 s.
57. Archutowski, R. Historia kościoła katolickiego w zarysie / R. Archutowski. – Warszawa : Skład główny G. Gebethnera i Wolffa, 1919. – 291 s.
58. Kłoczowski, J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce / J. Kłoczowski, J. Müllerowa, J. Skarbek. – Kraków : Znak, 1986. – 470 s.
59. Чихачев, Д.Н. К вопросу о расположении костела в прошлом и настоящем / Д.Н. Чихачев. – СПб., 1913. – 136 с.
60. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin: Uniwersytet Marii Curie Skłodowskiej, 2000. – 301 s.
61. Чаквин, И.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начало XX в.) / И.В. Чаквин, П.В. Терешкович // Сов. этнография. – 1990. – № 6. – С. 42 – 54.
62. Kosman, M. Historia Białorusi / M. Kosman. – Warszawa : Zakład naradowy imienia Ossolińskich, 1979. – 485 s.

63. Giebień, H. Język liturgii rzymskokatolickiej oraz język ojczysty polaków w rejonie Lidzkim / H. Giebień // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 7 – 9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 57 – 72.
64. Gorbaniuk, J. Co znaczy być Polakim dla katolików na Białorusi? / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы междунар. науч. конф., Гродно, 7 – 9 нояб. 2003 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Барановичи, 2004. – С. 41 – 57.
65. Gorbaniuk, J. Postrzegane przyczyny i konsekwencje wprowadzenia języka białoruskiego do liturgii mszy św. w Kościele katolickim na Białorusi / J. Gorbaniuk, O. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22 – 24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 7 – 25.
66. Gorbaniuk, O. Preferowany język liturgii wśród katolików obrządku łacińskiego na Białorusi / O. Gorbaniuk, J. Gorbaniuk // Проблемы национального сознания польского населения на Беларуси : материалы III междунар. науч. конф., Гродно, 22 – 24 окт. 2004 г. / ОО «Союз поляков на Беларуси». – Гродно, 2005. – С. 25 – 40.
67. Трацяк, Я. Роля беларускіх святароў у адраджэнні роднай мовы / Я. Трацяк // Гарадзенскія запісы. Старонкі гісторыі і культуры : у 2 ч. – Гародня, 1993. – Ч. 1. – С. 66 – 71.
68. Смелянчук, А.Ф. Біскуп Эдвард Роп / А.Ф. Смелянчук // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 3. – С. 108 – 112.

Поступила 02.03.2015

**USE OF RUSSIAN IN ROMAN CATHOLIC CHURCH SERVICE IN THE TERRITORY
OF BELARUS (the second half of the 19th century):
ANALYSIS OF THE POLISH AND BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY**

A. HANCHAR

In article the analysis of the Polish and Belarusian historiography on problem of introduction, use of Russian in Roman Catholic Church service in the territory of Belarus in the second half of the 19th century. Modern Polish and Belarusian authors are more prone to the critical evaluation of current experiences than their predecessors. Common to Polish and Belarusian researchers is the desire to analysis the events that took place at the micro level - the Roman Catholic parish. During research of monographic works, the articles, memoirs literature is drawn a conclusion on existence of multidirectional tendencies in an assessment of a role and value of a church, representatives of the government, orthodox church in this difficult process: the accounting of opinions of each of participants of events and a justification of actions of only one party – representatives of the government point of view (by means of selection of certain documents, publicity articles of that period, and at times and simple denial of all charges of the relation of some active participants of those processes as slanderous).